

Дживан Аристакесян

В АДУ МЕСТА НЕ БЫЛО

Дживан Аристакесян
В аду места не было

«Издательские решения»

Аристакесян Д.

В аду места не было / Д. Аристакесян — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748009-7

Все, что я написал, сказал, — спасенные из ада прошлого крохи и частицы, свидетельства моей жизни и жизни народа. Ведь я не раз обречен был исчезнуть, мое существование не должно было продлиться долго — но случилось чудо, и я в состоянии письменно свидетельствовать обо всем, что было. Тем самым я становлюсь правдивым, чистым и полноводным первоисточником. Но уже невозможно упорядочить мои записи согласно последовательности событий, мест и дат.

ISBN 978-5-44-748009-7

© Аристакесян Д.
© Издательские решения

Содержание

Вот оно – мое первое воспоминание	6
Мама, ты где?	14
По ту сторону этой горы течет поток крови	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

В аду места не было

Дживан Аристакесян

Должен ли я был вспомнить – если родился, то для чего? Если я жил, то где, кем я был? Без ответов на эти вопросы, которые мучают нас, невозможно отделить человеческую сущность от животного начала. Сам мой приход в этот мир не был так уж важен. Я мог прийти в него, мог не прийти. Важно то, что я выжил, остался, чтобы довести этот завет прошлого до его правильного воплощения.

Дизайнер обложки Роман Батуев

Редактор Мария Зайлстра

Корректор Варвара Графова

Переводчик Нарине Эйрамджянц

© Дживан Аристакесян, 2019

© Роман Батуев, дизайн обложки, 2019

© Нарине Эйрамджянц, перевод, 2019

ISBN 978-5-4474-8009-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вот оно – мое первое воспоминание

Возле стены нашего гумна дымил поминальный костер моего отца. Я не понимал, что произошло, не понимал, почему поднялся так рано. Дед был со мной. Он был печален. Камни на кострище совсем почернели от дыма. Почему я глядел на них, зачем помешивал золу – не знаю. В глазах моего любимого дедушки блестели слёзы. Вот оно – моё первое воспоминание... Позже я часто спрашивал деда о том костре, пытался узнать у него, почему его разожгли подле стены нашего дома. Дед всегда молчал, глотая свою печаль. Он был *тираццу*¹ нашей деревни – наверное, именно это слово на моих детских губах превратилось в *Тацу*.

В старину из-за яблоневого угодия деревню называли *Хндзорик* – «Яблочко». А потом армянское «дз» сменилось тюркским «з», и название стало звучать как Хнзри. Но в Турции жило дикое и непокорное племя по названию Хнзр. В наше время это название несло негативное значение: выражение «Хнзр, сын Хнзра» было оскорбительным. Дерджан была последней приграничной деревней – дальше уже начинались горы Баберта.

Кладбище деревни находилось над нашим родовым кварталом, на небольшом ровном выступе скалы. На краю выступа бил родник, воду которого жители отчего-то не любили. Возле родника стоял дом нашего Фило, а за ним и дома других односельчан. Здания были выстроены вдоль улицы, которая сворачивала вниз, на юг, до нашего дома и гумна, под которым проходила большая дорога, тянувшаяся до дворика часовни, одновременно служившего деревенской площадью. На нашей стороне дороги стояли дома армян – род за родом, фамилия за фамилией, а с западной стороны – неровные курдские мазанки.

На границе с армянским кварталом, на склоне холма, стоял родовой дом *ага*² Али Османа. Несмотря на то, что ага Али Осман носил турецкое имя, был он курдом, получившим полномочия турецкого смотрителя, и стал новоиспечённым главой села. Он был вправе положить свою лапу на любой кусок деревенской земли, а взамен был обязан всячески подчёркивать отрешение от курдского прошлого, возвеличивая свое турецкое настоящее.

Кроме того, если не постоянно, то хотя бы время от времени, он был обязан становиться деревенским главой местного пункта вооружения.

Али Осман, хоть и принял на себя эту последнюю обязанность, всё же относился к ней чуть ли не с ненавистью, почти отлынивал от её исполнения. Он нисколько не злоупотреблял полномочиями сборщика податей. Его покойный брат Торун участвовал в защите нашей деревни от разбойного нападения. Целью преступников были богатые дома армян. Жителей удалось спасти и от побоев, и от ограбления, но сам Торун был тяжело ранен и вскоре умер.

Так Али Осман остался последним братом. Али Осман как в своём дворе, так и за его пределами, говорил по-турецки. Волей-неволей пришлось ему «отуречиваться» – он был главой большого рода и нёс ответственность за своих людей. Видно, так было предрешиено судьбой. У Али было двое хороших сыновей. Характером оба напоминали дядю – были такими же добрыми соседями. Помню, что младший был хорошим певцом...

Жена Торун Ханум досталась после смерти мужа его младшему брату, Шавчи, став для него и женой и матерью. Ханум была матерью двух прекрасных юных дочерей. Девушек берегли для младшего сына Османа, Гайдара, в качестве дарованной добычи. Бедные девушки созрели и сгорали от тоски по любви, а Гайдар распевал песни о любви и грезил о других женщинах.

Наш хлев и гумно были прижаты друг к другу: вход был общий, а изнутри оба помещения разъединялись. Хлев был большим, удлинялся к западу, в сторону часовни. Крыша была

¹ Дьякон (арм.).

² Глава (тур.).

общая. Она вместила под своим покровом стоявшие с краю амбар и зернохранилище. Зерно берегли, предварительно очистив и рассортировав. Разделительные стены в амбаре были аккуратно выложены из кирпича. Амбары были полны до краев или хотя бы до середины. Это была большая гордость моего деда – гордость за наши богатые урожаи. В последние годы дед стал выделять для продажи большую долю урожая. Продажа шла золотом с *лазами*³ Гюмушахана (*город в Турции – Прим. ред.*). Покупатели верхом приезжали в нашу маленькую деревню и брали зерно за оговорённую цену. Платили, как я уже сказал, только золотом.

У моего дедушки Геворга – дьякона, которого турки и курды называли «мавином» – было трое сыновей: Назар, Оваким и Седрак. Наш родовой дом формировался под жестким руководством патриарха и отца. Ни одна из невесток не посмела бы нарушить этот порядок. Помню одну из его строжайших мер наказания: собирал невесток в пекарне для лаваша, запирали дверь, доставал дубину и лупил их, пока те не обещали, что больше так делать не будут.

Мой отец, Оваким, рано умер, и мать осталась в доме вдовой. Две мои сестры, не знаю, по какой причине, не выжили – умерли. Я остался единственным у матери. Её называли по-персидски, Баар (по-армянски – Гоар). Она была грамотная, умелица, с ясным взором. Её часто называли вторым именем, Гоар. Я и запомнил её под этим вторым родовым именем – мать моя Гоар.

Остались дяди Седрак и Назар. Седрак был младший, *аскяр*⁴ – он бегал туда-сюда. Я не помню ни его работы, ни присутствия в доме. Его жена, Югабер, со своими тремя или четырьмя детьми постоянно была с Назаром.

Семьи трёх братьев жили под одной крышей, и главой были мои дед и бабушка Змо.

Каждый должен был знать своё дело, думать о своих обязанностях. В доме царили заветы и порядки деда. За ворчание невесток наказывали.

Наш род называли Рстак. Под этим прозвищем мы и были известны всему Держану. Говоря Хнзр подразумевали Рстаков или Али Османа. У нас были разного рода волы и вообще рогатые... Из наших скал самой значительной была скала «Камень грифов». И правда, вечерами казалось, что все грифы, и вообще все крылатые собираются там. Просторные, с густой травой, склоны, высокие, ухабистые – к ним был привержен Каракулах (маленький городок на севере Турции). Меж тем, наша богатая деревня очень нуждалась в пастбищах, поэтому почти каждый день нарушались её границы. Турки пользовались этим и, когда хотели, угоняли скот к себе. Пока наши освобождали животных, приходилось жертвовать столькими головами! А иногда горная сторона оказывалась занята новыми турецкими поселенцами, чаще всего, турки Каракулаха владели всеми землями.

Я был маленьким, когда уничтожили армянскую церковь и школу. Я проучился там год – об этом расскажу позже.

Лучшие уголья села принадлежали нашему роду – самые большие и самые плодородные в округе. И названия у них были своеобразные: «Серни», «Кашдзор» («Нижние поля»), «Джарби», «Аветхан», «Цоцвор», «Амтаджур», «Губан». В память прочно вошли слова деда о наших полях: «Каждое из них надо неделю пропалывать, по пятнадцать подносов с пловом на каждом съест, пятнадцать ведер *мацуна*⁵ выпить, двадцать казанов галачеша (блюдо из чечевицы, отцеженного и высушенного кислого молока, топленого масла и жареного лука. – Прим. перев.) съест, и столько же *хаурмы*⁶, пять бочек пота вылить, десять раз на них ночевать и дневать, силу десяти быков приложить. А то как же!».

³ Племена, живущие на севере Турции

⁴ Турецкий солдат

⁵ Кисломолочный напиток

⁶ Вареное мясо, на зиму оставляемое под землёй

Наш хлев был достаточно большой, заставленный двойными яслями. Весь он был разделен прутьями на отдельные отсеки для животных, согласно их виду и возрасту. В начале, в темном загоне помещались буйволы и молодая буйволица, их ясли были подвешены на цепях и отделены друг от друга брёвнами. За ними следовали быки, коровы, телята, в другом ряду – волы. В последнем ряду, на западе, находились лошади и ослы. Отсюда был выход к большому сараю. Запах свежего сена доносился до самых дальних уголков хлева. Иногда корешки и толстые стволы полевых растений тончили и кидали в ясли. В эти дни в яслях не оставалось ни травинки.

Каждый день помет очищали и складывали в вырытой посреди хлева яме. Здесь на толстом канате висел мешок для навоза. К мешку был прикреплен толстый канат, за который его и тянули к месту предназначения. Выход из хлева был изолирован от общего выхода из гумна, хоть и шёл в тот же коридор. В хлеву всегда выделялись молчаливые овцы и козы – не такие, как козлики и барашки. Между прутьями их загонив валялся богатый обед для кур, которым последние не брезговали.

В хлеву мы играли – в прятки, в петушиный бой, боролись. Во все остальное время мы находились или на крышах, или во дворе, или в полях. Мастерили хорошие крепкие мячи из выпавших волос домашних животных. Получались очень хорошие, упругие мячики, совсем как современные резиновые.

Очень редко мы забирались поиграть на нашу крышу. Она была неудобная, покатая. Зато на ней хорошо было прятаться. В отличие от крыши дома деда Гокора, у которого она была плоская, и в хорошую погоду она превращалась в прекрасную игровую площадку, поэтому мы забирались на крышу и играли вдоволь! А для групповых игр самым удобным был наш широкий и ровный двор.

Не было у нас ни в чём недостатка, не знали мы бедности. Дед со своими сыновьями устроил надёжную жизнь. Он мог нанять и пастуха, и пахаря – по необходимости, в зависимости от нужд сезона. В какой-то степени это давало бедным односельчанам возможность заработать на хлеб насущный.

Вода наша стекала с семи «сосцов» горы. Большая скала была ужасом и украшением деревни. До самого июня оттуда можно было принести прекрасного снега. Его добывали смелые парни. Если кто-то заболел, его заворачивали в холодные мокрые одежды. Вся деревня веселилась, больной – благодарил.

Деревня была совсем маленькая. Её границы были с четырёх сторон закрыты, не считая прилегающих склонов гор и оврагов. На востоке располагался захватчик – Каракулах; на юге – Торосы, или Толосы, не помню точно – протурецки настроенные курды; на северо-западе находились хлева курдов, граничивших с районом Баберт. Не было никакой надежды на право, на жалобу, на требование. Наши молчали, чтобы сохранить хотя бы то, что было, от грабежа.

Не могу забыть цветочные ковры наших оврагов и полян! Мы знали, где растут съедобные корешки; когда они созревают; виды растений, их «любимые» места, их названия и особенности; знали тонкости составления букетов и способы плетения венков, и ещё много-много других премудростей.

Как мы гордились, если нам поручали пасти барашка или козочку или вести их домой! Следили за полётом ястребов, орлов, соколов, за стаями скворцов. Насекомые, пчёлы, шмели, пресмыкающиеся, гнёзда с яйцами, детёныши, зрелища борьбы за выживание!

В последний год над гумном построили светлую внешнюю спальню. Я помню, как её строили, как ездили за строительным камнем в поле на деревянной воловьей телеге вместе с дядей Назаром. Мы играли, а дядя собирал камни и клал их на телегу. Вот так постепенно смазанные известью камни превращались в спальню.

Когда приезжали гости (чаще – турецкие грабители), мы с Тацу ложились спать вместе с ними в верхней спальне. Там располагались горелки – на углях и с газом. Газ был похож на горящую колючку. Казалось, это была такая сказка: мужские зимние игры, бесконечность долгих зимних ночей, обеды, ритуалы... Вечерами лисы подкрадывались к деревне и начинали свои шаловливые игры в белоснежных сугробах. Кому было стрелять? Армянин не имел права на ношение оружия. Были ружья у Шавчи и Темура, но зачем им это делать? Пусть себе играют звери, радуют детей и дразнят собак. Иногда поутру слышишь: «Волки вошли ночью в деревню и увели собаку братца Мартироса». Для защиты от волков на шею собакам вешали ошейники с зубцами, но и это не помогало. Для сопротивления волкам сама собака должна была быть сильной и смелой, готовой к сражению.

По вечерам мы слушали сказки в большой спальне дедушки Лусена. Часто он нас убаюкивал: «Спи, злой турецкий волк бродит неподалеку, услышит, придёт... Спи...». В глубине души я всегда воображал волка в образе турецкого разбойника.

У нас часто шёл град. Помню, как дядя Назар взял меня в поле Уси. Вдруг небо потемнело, стал слышен гром, появилась молния, начался потоп. Из полей, из каждого оврага побежали люди. У дяди была накидка из кожи, он её тотчас постелил, швырнул меня под неё, а сам побежал вниз: глупый мул спрятался в овраге, инстинктивно защищаясь от града, и поток воды с обломками земли уже к нему приближался. «Беги, беги, дядя!» – кричал я сверху. К счастью, он успел, выгнал животных, спас. Ещё немного, и сам бы погиб.

В деревне были ужасные разрушения. Вода залила курдские хижины. Животные остались по ту сторону бешеного потока. Пастухи старались их к нему не подпускать. Коровы орали, пытаясь прыгнуть в воду на поиски телят. Только к утру сумели перебраться к деревне, стоявшей на левом берегу потока.

С тем же дядей Назаром отправлялись мы в сторону Аветхана собирать камни для гостиной. Волы паслись, а я играл в низине. Вдруг вижу, он зовёт и бежит ко мне: «Не бойся, Дживан, эй-эй-эй-эй!».

И тут я заметил уставшего волка, который с высунутым языком, с разинутой пастью направлялся ко мне. Голос он слышит, но бежать быстрее не может. Он пробежал чуть повыше того места, где сидел я, и взглянул голодными глазами – наверное, думал о своём спасении. Подошёл дядя, объяснил, что пастушьи собаки так загнали старого волка, что тот совсем обесилел. Тем не менее, он дошёл до развалин и таким образом спасся.

Зимой часто стучались заблудившиеся в дороге прохожие. Помню, как-то под утро мужчины буквально приволокли двоих. Опытные хозяйки взялись за дело – холодная вода, обливание, горячая вода, обливание. Люди открыли глаза: они поняли, что спасены.

Ах, какая была весна, с песнями, с плясками, с букетами и венками... Когда по весне волновались волы и буйволицы или быки, которых впервые выводили в поле, об их толстые лбы ломали куриное яйцо. Однажды весной нашего вола и вола Али Османа вывели в открытое поле, чтобы они вступили в драку. Обоим закрыли глаза и открыли, только когда те уже стояли друг против друга. От неожиданности они разозлились друг на друга, сначала начали рыть землю и постепенно стали приближаться, и вот – первое столкновение. Потом они опустили на колени, выгнули шеи и замахали рогами вправо-влево. Дело затянулось, и бой решили прервать. Наконец их развели в стороны, но оторвать друг от друга окончательно не удалось. Я честно скажу: не могу точно вспомнить, во время этой ли драки, или в другой раз один из них замедлил шаг, отказавшись от поединка. Второй вол, пользуясь случаем, напал. Медлительному ничего не оставалось, как бежать. Победитель помчался за ним – это было вне правил. Они бежали, и бегу их не было конца, бежали, пока убегающий не устал и не упал на землю. Когда второй вол его настигнет, то будет бить, пока не убьёт. Их месть безгранична, ни одно животное больше так не мстит. А как мы бросали петухов с завязанными глазами за изгородь и заставляли драться!.. Вот какие детали я вспоминаю!

Чем больше я пишу, тем больше напрягаются и краснеют мои глаза. Приход весны, Пасха, бросание креста в воду – с какой радостью всё это отмечалось! Семь недель мы ждали, когда иссякнут листья лука, подвешенного к потолку. Но, не успев закончиться, он уже давал зелёные ростки. Великий пост, ах, этот Великий пост, когда же он пройдет?! Как только он кончился, приходила весна. На день Трндеза⁷ – «Звездный родник» – в роднике были золотые звездочки. Когда выходили из поста, разговлялись, били красными и зелеными яйцами.

В тот год мы отправились в паломничество к «кривым деревьям». Был языческий праздник, то ли *Вардавара*, то ли *Арамазда*, – люди потоками стекались туда изо всех сёл. У деревьев и вправду были кривые ветви и дупла. Пошли мы туда ранним утром – в полуденную жару это было бы труднее. Нужно было перейти на другую сторону Каракулаха. У каждого села было своё постоянное место для привала. Даже знакомые курды приходили и становились «друзьями на веки». Сколько песен, хороводов, сколько молодых искателей судьбы там было! Там они встречались и во многих случаях сразу становились близкими людьми. Никто не замечал, как проходили две ночи. Жаль, что за описание песен и танцев никто не взялся, а я уже не могу ничего вспомнить. В глубине леса стоял монастырь. Завязывали талисманы, организовывали игры, например, на канате. Однажды вол по имени Хендук («сумасшедший») боднул меня своим рогом и сбил с ног. Дядя Назар плеснул мне в лицо холодной родниковой воды, чтобы отогнать мой испуг. Хендук был из деревенских малорослых волов, а для хорошей работы нужно было иметь более крупных, с ветвистыми рогами. Такие были в Карсе, где жили прорусские армяне. И дед мой поехал. Прошёл Карин, прошёл Карс и привез двух великолепных волов – Партева и Терндаса. Полей много, урожай обильный, пусть тащат груз до гумна. Ух, как скрипела повозка, когда их запрягали!

Топ-топ-топ, мы прыгаем туда-сюда, играем, радуемся. Это придумал мой дед, радуется вместе с нами. Он хитрый, не раскрывает цели этой игры, ведь знает, что проповедь бессмысленна. Уж кому знать, как не ему! Вроде бы играет с нами, а ведь мы топчем навоз. Такая вот полезная игра.

Названия, границы расположения лугов и полей у меня перед глазами. Так же, как и клички, масти и характер жителей нашего скотного двора. Больше всего мы любили луга оврагов Каш и Аверхан. Путь туда занимал почти целый день. Были у нас в реке свои места для купания, запруды, где мы купались, сидя верхом на волах. С лёгкостью я мог ответить, где посеяна остистая пшеница – красная, белая рожь. Была у нас особая трава, из которой делали жвачку – сочная, млечная и очень вкусная. Когда наступала пора сбора этой травы, девочки и женщины только её и ждали. Белоснежная жвачка из неё прекрасно чистила зубы. Во время сбора шиповника, конского щавеля, граб, в горах мелькали пёстрые девичьи платья на фоне зелёной травы.

А когда беременели овцы, стадо спускали в деревню. Помню, как отдыхали, разлежившись, псы. Вдруг ягнята смешивались со стадом. Поднимался страшный гвалт, мление, бляение, пока каждый не находил свою матку, и снова воцарялась тишина. Работавшему в поле пахарю или сеятелю несли обед девушки, дети или младшие невестки, крепко привязав поклажу на спину ослу. А в поле уже ждали, когда в дали появится знакомый ослик. Под сенью дерева или под разведёнными в стороны «рукавами» телеги стелили скатерть, на которую выкладывали лаваш, а на нём появлялась и всякая снедь: плов, долма, ячменные лепешки, яичница, халва, мацони, сливки, сыр чечил. А если дело было на полях «Камень призрака», «Овраг Каш» или «Аверхан», возле звонких, кристальных ручьев, то непременно кто-то сказал бы: «Иди, малыш, набери и принеси свежей воды». Пили воду и ложились отдохнуть. «Ну, встали, уже закат! Солнце заходит». Шаг за шагом, и всё поле обработано.

⁷ Языческий праздник, аналог Масленицы

С помощью учителя Хачатура в деревне учредили школу грамоты. Учитель Хачатур был сыном Воски – самой авторитетной женщины в деревне. Единственным работником по хозяйству у них был маленький Андраник. У них не было отца, почему он рано умер – не знаю. Было решено оправить вместе со мной учиться грамоте Торгома и Мадата. Этой осенью нас сдали учителю Хачатуру. Чтобы дойти до места учебы, нужно было перейти единственную общую дорогу перед храмом, сразу за домом Али Османа, справа от которого был дом тёти Воски, в центральной части села. Вскоре пошёл снег, и Торгом с Мадатом стали бегать по снегу и плакать – не хотели идти в школу. А я хотел, мне это было по сердцу. Из-за таких нерегулярных посещений их исключили, а я остался.

Нас, самых маленьких, было несколько человек. Мы садились по росту на скамеечки, которые приносили сами. В руках у каждого из нас был учебник с распятием; у каждого была каменная доска и каменная ручка. Писали, стирали и писали снова. Важнее всего была таблица с алфавитом. Это была прямоугольная, размером с небольшую книгу, обрамлённая или окантованная доска, на которой были изображены буквы алфавита: Айб, Бен, Гим... и т. д. Нужно было называть их с начала до конца и с конца до начала. В этом случае получалось изучение букв, а у учителя была другая цель – научить нас читать. Лучше этого – только настоящая школа. В наших книжках были стихи на религиозную тему, исторические сведения, картинки, распятие Иисуса Христа.

Учителя все уважали. В руках он держал «прут порядка». Чаще всего наказывали «стойкой аиста»: стоянием на одной ноге, и ударом по ладони:

– Почему не хочешь учиться, почему убегаешь, не идёшь в школу? Ты, глупый теленок, раскрой ладонь!

Он старался и заинтересовать, чтобы дети не убегали с уроков. Гнева его не помню. Он любил сесть рядом с печкой, сварить кофе и сделать перерыв.

В тот же год (или позже, не помню) к великой радости всей деревни наш дядя решил хвастаться моими способностями. Договорились с дедом, что на праздник Пасхи на церковной службе я буду читать. За это дед должен был дать церкви «награду радости» – золото.

Я должен был листать по одной огромные страницы пергамента и читать громко и с выражением. Это было из Книги пророка Даниила, о гонениях вавилонского царя Навуходоносора. Об избранном Богом народе – евреях, как о несчастном народе. Пришёл день всеобщей, меня одели в чистую, украшенную вышивкой церковную рубашку. Я не доставал до книги. Мне принесли скамеечку, и два дьякона встали по обе стороны от меня, держа свечи, чтобы я мог читать. Я прочитал блестяще. Какая радость, прямо в церкви! Дед не мог остановиться, целуя меня. С того дня меня нарекли грамотным мальчиком села. Из деревни меня перевели в школу Каракулаха. Я не пробыл там и года. Всё угасло. Школу стали разрушать, учителей разогнали и преследовали; школа оказалась под угрозой закрытия. Всё пропало для армян! Потом отняли учебники. Я жил у родственников. Дед приходил каждый день, это было недалеко, в двух часах дороги. В те дни скорбь и плач уже достигли нашей деревни. Иногда к моему деду привозили детей, больных чесоткой. Помню один случай. Рано утром к деду привели девочку, нашу ровесницу. Была она из рода Вардана, и привёл ее отец. Дед потребовал, чтобы её привели непременно голодной. Я стеснялся девочки, девочка – меня, будто нас сватали. Отец указал на поражённый участок на её шее.

Дед оторвал от свежего, неиспользованного веника чистый прутик, очистил его ножом и стал медленно чесать поражённое место, совершая крестообразные движения и бормоча какие-то слова. Позже я его спросил:

– Дед, а что это ты делал?

– Вырастешь, и тебя научу. Это такая специальная молитва: чешешь прутиком, шепчешь молитву, и зуд проходит.

Впоследствии я взял себе привычку унимать зуд палочкой или куском спички. Кожа не воспалялась, а зуд проходил. Но стоило попробовать расчесаться руками, как появлялось воспаление. Кстати, слова молитвы дед так и не успел мне поведать.

Торгом был старшим из нас, он и Мадат (дядя Мартирос) были братьями, сыновьями Назара, брата моего отца, я был их «домашним» братом. Однажды весной были мы в поле – Торгом, Мадат и я. Поля были видны из деревни. Мы собирали съедобные травы, играли. Был очень тёплый солнечный день, ясное небо. С правого берега реки к нам подошёл Воскан. Вид у него был недобрый, мы встревожились. Подошёл и, ни слова не сказав, стал шлёпать моих братьев. Хоть на меня он внимания и не обращал, я всё же тоже начал плакать.

– Замолчите, убью!

Мы стали плакать тише. Потом он оставил нас, ушёл. Воскан был старше нас, он из рода Гбо, ровесник нашего Карапета (Карапет умер в Ереване в 1967 г.). Эти двое были самыми сильными, крепко сложенными парнями в деревне. Часто дрались – и удача улыбалась то одному, то другому из них. Воскан в последнее время несколько раз подряд оказывался в роли проигравшего, оттуда и происходила его злоба. Мы были младшими родственниками Карапета. После того, как он ушел, мы немного подождали и побежали в деревню – жаловаться. Дошли до дому:

– Воскан избил нас на поле Маар!

– Чтоб ему ноги оторвало!

– Идите, найдите Карапета и скажите ему.

Мы так и сделали. Ах, Карапет, Карапет... Он схватил дубину и бросился в поля с криком: «Где ты, Воскан? Где ты, Воскан, сукин сын! Выходи! Всё равно найду и убью!».

До вечера он искал – не нашёл. После возвращения пытались унять его гнев, но вражда между ними сохранилась.

В один прекрасный день к нам откуда-то пришёл Гайдар. Он не стал поступать как Воскан, наоборот, угостил нас пирогом, ласково говорил с нами (жаль, не помню, как). Погладил меня и пошёл в деревню. Перед тем, как войти в деревню, Торгом сказал: «Давайте кушать пирог». «Давай-давай», – согласились мы. Он начал резать, и вынул из пирога клочок волос... Мы швырнули его прочь... Честность Гайдара канула в воду. Мы пошли домой грустные и всё рассказали:

– Дедушка, а Али Осман турок?

– Нет, внучек, он не турок, принял турецчину, чтобы стать агой деревни. Ну а нам и нужен такой глава – защитник. Вот, его брат Торан защитил нас от нападения курдов, тебя тогда ещё не было.

– А из каких мест приходят курдские разбойники?

– Они повсюду... Турецкое правительство вооружает их, говорит: «Идите, грабьте армян».

Он грустно запел: «Жестокий погром, вот наша судьба / Разрушена в прах роскошная Адана».

Потом я узнал, что Гайдар – мой «кровный» брат, я этого не помнил. Мой дальновидный дед договорился с Али Османом, что нас с Гайдаром сделают «кровными» братьями, смешав нашу кровь.

Был в деревне один безумец. Он был молодой, крепкий парень. От чего он сошёл с ума – я не знаю. И зимой, и летом на нём была длинная одежда из ковра. По ночам он мог заснуть в зарослях – и не болел при этом. Питался он тем, что давали люди. Иногда вдруг, непонятно чем движимый, он стаскивал с себя одежду и начинал кричать, при этом обязательно обращаясь лицом к дому Али-ага и поднося руку к своему достоинству:

– Али-ага, съешь это, сунуть бы тебе в бороду, сунуть бы в рот...

– Минас, тихо! Чтоб ты сдох! – кричали женщины. Тогда он начинал плакать.

Что это были за приступы, не знаю по сей день. Что ему за дело было до Али Османа? Странно.

Однажды матушка Армазан, жена Назара, поставила передо мной горячий чай. Случайно, вырывая траву, я опрокинул его, и кипяток брызнул мне на шею. Вся мою жизнь рана оставалась незаметной.

Мама, ты где?

В наших полях было много козлобородника. Мы рвали его и ели исключительно с солью. Помню, как радовались наши, видя меня здоровым и невредимым. Мама уже не жила с нами... я был сирота.

Дед согласился, чтобы моя молодая мать вышла замуж, таков был зов природы, таково было требование общества. Но как ей оставить своего Дживана? Решили не вывозить её из нашего рода. Мисак остался без жены – всё та же молодежь – поженить, и все вопросы решатся!

– Нет, – сказал дед, – это мне не по сердцу. Да и Гоар там будет плохо (скорее всего, они были бедные).

Многие приходили просить её руки.

– Ещё подождём, – говорил дед.

И вот, в далёком селе Чехныз началось движение к нашему дому.

Дед нашёл лучшего из всех кандидатов, тот согласился. Они тоже очень рады. Как должны увезти – это вопрос – в моём присутствии это было невозможно. Договорились не появляться в деревне вовсе, а в наш дом прийти ночью, когда я буду спать. Мать уложила меня на ночь, и сама легла со мной. Я спокойно заснул. Утром я проснулся – матери рядом нет, бабушка стоит у изголовья.

– Мама, ты где? – меня обняли.

– Она в поле ушла, ты не плачь. – А сами плачут. Удивительно.

– Вы обманываете меня, – не перестаю плакать.

– Где моя мать? В какое поле ушла? Я тоже туда пойду. И побежал... Меня поймали.

– Куда захочешь, туда и пойдем, мой детёныш, – дед берет меня на руки и гладит.

– В какое поле? В то и поведите!

Мы пошли в поле Святых Деревьев. Дошли, я плачу... В деревню меня привезли на руках, спящим.

Как я потом привык – не помню.

Дед организовал дело вместе с Манук-ага. Он был основой и лицом деревни Чехныз. Был он богатой и уважаемой персоной также среди турецких чиновников. У него было двое сыновей: старший, Мисак, остался холостым, ребёнка у него не было (потом родился от моей матери), это я хорошо помню. Он был грамотный, занимался торговлей – об этом расскажу чуть позже.

Но пока остановимся ненадолго в нашей деревне, в моей колыбели.

В деревне опять горе. Пришли, коня забирают, поджигают дом Тороса, говорят: «Ты прячешь ружьё». Вот и военная полиция уже на нашем дворе. Мой дед пытается смягчить ситуацию, найти язык:

– Неужели армянин не может иметь коня, господин полицейский?

– Ты только теперь понял, дьякон? Если *гяур*⁸ сядет на коня, разве после этого станет он склонять голову перед османцем? Есть Аллах... Есть порядок, – смеётся он – Наш Гуран требует раба, и ваш Бог должен поработиться. Иначе зачем мы вошли в вашу страну, и зачем распростёрли свое влияние?

– Сам скажи, дьякон, ведь ум армянина с краю, верно⁹? А края нет, нет...

⁸ Неверный

⁹ Пословица звучит примерно так: «Чтоб я так думал, как думает армянин в последний момент» (арм.).

Мой дед сказал мне: «Кофе поднесёшь ему и поприветствуешь». «Приветствую, – говорю – я сирота, умоляю, оставьте лошадь мне», – повторяю слова моего Тацу. Мой Тацу в роли переводчика. Сжалился, оставил.

Тем временем лошадь измазали навозом, чтобы она выглядела похуже, худее – лишь бы не досталась турку на обед. Выглядела так же убого, как выглядит армянин. Армянин не имеет права ездить верхом, держать лошадей. Убог армянин, убога Армения... Потом мой дед продал коня.

Теперь о моей матери. Мать моя была дочерью сына священника из Гарнпетак (что значит «горный улей»). Мой дед уделял много внимания вопросу женитьбы, с помощью своей старшей дочери, жившей с мужем в Гарнпетаке, он нашел для отца мою мать в невесты. Они жили бедно. Я их запомнил, когда мы с дедом поехали навещать их с матерью перед отъездом. По дороге Гарнпетак мы зашли деревню Булк. Там было много-много мельниц. Там дед мне показал какую-то жидкость и сказал:

– Это масло из камня (это была нефть), если поджечь, оно будет гореть. Здесь есть и газ.

Мы остались там на два дня. Потом поехали чуть дальше, в деревню Мандз. Это была родная деревня бабушки Змо. Помню, у её брата было шесть пальцев (два больших).

Пришёл день отправляться к матери, мы пустились в путь на моём коне. Пошли с правой стороны родника Цорак, вышли на дорогу, обращённую к деревне, дошли до крепостного холма Дум-дум, откуда почти под острым углом склонялось к горе высокогорное ущелье. Путь там сразу оказывается укрыт, приходящий же сразу виден со всех сторон, особенно напротив нашего района. Можно было помахать рукой, позвать, что-то сказать. Рано утром мы – внук и дед – попрощались и пустились в путь по склонам оврага. Солнце уже поднялось, когда мы пересекли вершину, не сядя на лошадь (она была слишком нагружена, это было попросту невозможно). Появились вдали первые дома села Торус. Курдские мальчишки швыряли камни... Но в кого? Армян не было видно. Были дома, и только печальный дым шёл из их труб.

В центре села видели османских опричников. Мы прошли по деревне, ни разу не улыбнувшись армянам, и они тоже с нами не здоровались. Вышли в низовьях. И дед сказал: «Пришли в Торус – разрушен он. Куда ни глянь – везде погром. Не поздоровится тому, кто пройдет по нижним домам! Здесь турки, – сказал дед. – Пойдем поверху».

Пошли, присели возле какого-то колеса. О чём мы думали, не знаю... На просторной земле притесняли друг друга существа разных видов. Спустились в сторону деревни Фриз, хорошо помню. В дали виднелось мшистое зелёное дно Чёрной воды, которую пересекает быстрая река – как черная крапива. Дед по одному показал мне все деревеньки округи и сказал: «Село Девнер наверху, село Котер внизу, пройдем в Котер. Ты увидишь, что за село». Дошли до Пира. Там нас встретили:

– Вах, отец Геворг, вчера Бин-баши ограбил нас и сказал, что мы должны покинуть село, говорит, выходите из села, здесь будут жить мусульмане, а армяне-гяуры должны быть уничтожены.

– Ты пришёл, внука привёл, свет глазам твоим! У кого нам тебя положить?

Этот скорбящий человек был священником деревни и каким-то родственником деда.

Дед ночью не заснул, а я спал. Больше ничего не понял. На следующий день мы пошли уже по правому берегу Чёрной воды, к мосту Котер.

Любой армяноведец обязан знать: мать-река Евфрат берёт начало от Чёрной воды. Она берёт начало из гор Каркар Карина. Не увидишь соломинки, чтобы перейти реку. На всей этой территории есть только один-единственный, значительный мост – с соборной славой, имя которого стало святым, который зовётся «мост Котер».

Дошли до прозрачного ручья. У него нельзя было сидеть. Мы хорошо поели, чем был занят дед, не знаю, а я был весел – шёл к матери. Слева также находилось большое плоского-

рье. Вдалеке на позиции хозяина – Багарич. Это старинное строение есть в сердце каждого армянина, глядишь на него и кажется, будит память предков.

К полудню достигли мы развалин Кура (это не река Кур), расположенных на правом берегу моста Котер. Огромные разломанные куски скалы валялись друг на друге вплоть до самого основания моста.

– Что это, дедушка, почему все сломано?

– Эти развалины когда-то были самой мощной армянской крепостью. Армянский Держанк, Котер...

Дед сам себе ответил. Мы вошли на мост. Мост был защищен с обеих сторон высокими стенами, стоящими на семи протяжённых дугообразных опорах. Это был горбатый вымощенный мост. На его середине дед остановил коня. Поднял руку и ударил кнутом по каким-то проводам.

– Что это? – спросил я.

– По этим нитям разговаривают между городами. Посмотри вдоль колонн: они идут в Багарич, идут в Карин, идут в Ерзнка, идут в Себастию, идут до Полиса (Константинополя).

– У этих нитей есть язык?

Он не ответил.

– Пойдём, спустимся по ту сторону моста. Там есть святые книги, там жгут свечи, читают молитвы, – сказал дед и взял меня за руку. – Это священный мост. Его велела построить благородная красавица три или четыре столетия назад. Она построила его по подобию своего кольца, а назывался он Мамахатун («Мать и дочь»). Кто она была – я не знаю. И Мамахатун тут не очень далеко. Вот сейчас мы должны до него дойти и перейти воды Мамахатуна. Пойдем туда пешком, там нет моста.

И правда, пошли и дошли. До нас муж с женой прошли вброд, по грудь в воде. А у нас кони, значит, пройдем.

Воду благополучно прошли – дед крепко держал коня за узду, по пояс в воде, а я был крепко привязанный к седлу.

Слева было большое село Хунлар.

– А вон тот уступ в вышине – висячее горное чудо. Там всегда ветер. Если оттуда прыгнет крылатый конь, он приземлится прямо на правый берег.

Мы попали в сухие заросли. Там мы упустили мужа с женой из виду. Мы не узнали, куда они пошли. Сухие овраги, высокие и низкие холмы. Горные цепи, дикие места. Среди них были разбросаны отдельные села, стоявшие группами: Хорку, Хогек, Гатгули – очередности их не помню.

В Хогеке нам не дали пойти вперед.

– Отец Геворг, ты не избежишь визита к нам, поешь у нас дома со своим внуком. Чехнез здесь близко, успеешь. Пусть Манук-ага ещё подождет.

– Родные мои, ребёнку не терпится увидеть мать, но я еле вас увидел, хорошо, не могу не остановиться у вас.

– Дитя, давай немного отдохнем, и кони отдохнут, а потом поедем.

Что это были за родственники – не знаю. Отдохнули, поели. Помню, утром восхитились, когда я перепрыгнул через принесенный ими стул, и вскочил в седло. Дед рассмеялся, он тоже сел, и мы поехали к моей матери.

Был закат, когда перед нами открылась деревня. Двор Манук-ага, подобно площади, был началом села. Там были дети, другие гости, но в центре всего этого – раскрытые руки моей матери. Как горячая курица, набросилась она на меня, стащила с седла, вобрала в свои объятия. Она всё время целовала меня, обнимала, выпускала из объятий и снова обнимала. Она искупала меня, накормила, уложила. И сама легла рядом.

Больше ничего не помню. Просто утром я проснулся рядом с ней.

– Ты вырос, солнышко моё.

Я прижимался к ней, не отрывался. Она целовала мои восхищенные глаза.

– Сынок, душа моя.

– Мама, это твой дом? Чья это деревня? Что это? Кто это на стене?

– Это фотография, погоди, покажу, у деда дома их нет, а здесь есть. Это дом Манук-ага.

– Что такое фотография, кто этот человек?

– Душа моя, фотографии делают в городе. Вырастешь, ты тоже сфотографируешься.

Оденься, пойдём на улицу, там дети, поиграешь с ними.

В доме были дети старше и младше меня. На второй третий день я смешался с ними.

Ранним утром был слышен голос Манука-ага: «Ты – туда, ты – сюда, ты – на санки, ты – на соху, ты – на инструменты, ты – к мельнице, ты – к *тониру*¹⁰».

Для меня было много новостей. Животных у них было больше, чем у нас. Целый хлев лошадей, ослов, жеребят. Целое стадо коров, мулов, волов. Телята отдельно. Множество баранов, овец, коз...

Чтобы ещё больше меня удивить, отвели на завод, где выжимали масло (он был собственностью Манук-ага).

Буйвол медленно вращал каменное колесо, ходя вокруг него по кругу. Масло текло в расставленные снизу сосуды. Работают круглый год. Только летом и весной немного отдыхают – чистят.

Я не видел вблизи её нового мужа Мисака. Но кто-то показал мне на него издали, не помню, кто это был. Он благоразумно держался подальше от меня. Видимо, это была временная тактика, пока я не сблизусь с ним. А пока, все это время, что я был с матерью, он ни разу не переступил за порог спальни моей матери.

Меж тем меня вызвали в гостиную Мисака. Был поздний вечер, посторонних не было. Двое дедушек. Я подбежал в объятия деда. Он был грустен, ничего не говорил.

– Как начнем, Геворг-ага? – нарушил молчание Манук.

– Оставляю на тебя, не говори потом, что я влияю на него.

– Не знаю, что делать с материнским горем.

– Какое горе у моей матери? – вмешался я.

– Парень, иди ко мне, расскажи стишок...

– Расскажи «Крест святой», говорит дед.

– Это нехорошие стихи. Давай прочитаю «Лошадь».

– У нас много коней, ты видел? – Так начал подход ко мне Манук-ага. – Не хочешь остаться с нами? Сядешь, на какую захочешь.

– Я такой же дедушка, как и твой дед, здесь живет твоя мама, иди ко мне на коленки.

– Это ваш дом?

– Да, дитя, мама твоя останется здесь. Чего ты хочешь: остаться или поехать с нами?

– Мама не поедет? Но это не наш дом, не наше село!

– Отец Геворг, у него чистая кровь. Он – дикий цветок, не садовый, чтобы можно было его пересадить. Жалко, не будем трогать.

Я замолчал и крепко обнял дедушку. Увидел слезы на глазах у обоих дедушек. Позвали мою мать, сдали меня ей. Я сладко заснул у нее на руках.

Я не помню расставания, и обратная дорога во мне не запечатлелась. Но ярко помню тот вечер, когда мы спускались к деревне Торос по горной цепи, по оврагу, спускавшемуся к селу. Совсем близко наша деревня, как на ладони, ясно видна как в зеркале. Как меня встретят, как обнимут, что скажут? Помню эти свои мысли. А вот и наши дома, все высыпали на улицу, ждут

¹⁰ Место, где пекут лаваш (арм.).

нас. Как только увидели нас, побежали мне на встречу, да с какой радостью, хлопая в ладоши, крича!

Жизнь села текла в обычном русле. Моего дядю Седрака забрали в аскияры. За дядю Назара Тацу все время давал золото (мешками), чтобы не забирали, он был единственным работником, был в возрасте, у него было много детей. Из нашего рода забрали дядей Аршака, Ашота, Вардана. Ашот иногда приходил – не знаю, почему. Всех взрослых мужчин из деревни забрали. В последний год курд Бако приобрел машинку для стрижки волос и стриг детей. И зубы дергали, только я не помню, кто. Мать приходила повидаться со мной, взяла меня на руки, погладила, я хорошо помню. Привезла мне городской костюм. Одеда – он был мне в пору. Все женщины и мужчины деревни восхищались, но она не смела забрать меня, об этом не было речи.

В тот год какая-то толстая, взрослая женщина из наших родственников приехала к нам с сыном. Этот парень гордился тем, что он горожанин. Наши ребята потащили меня, заставили надеть костюм, подаренный матерью (как раз тогда она и приезжала), привели к нему, чтобы осадить его гордыню. Мы собрались на плоской крыше деда Гокора.

– Ну, посмотри, чей костюм лучше, твой или Дживана?

Парень умолк.

– Ну, спрашивай, пусть он тоже спрашивает, посмотрим, кто из вас больше читает?

Я не помню, кто больше спрашивал, кто больше вопросов задавал... что было за соревнование... и не помню, как уехала мать, не помню подробностей. Помню, как на следующий год брат Мисака отвёз меня к матери. По пути он старался водить своего коня рядом с моим, поддерживал меня, чтобы я не упал.

Но я почти не нуждался в его помощи. Помню, переходя через реку, конь поскользнулся, и я чуть не упал в воду, но вовремя исправил ситуацию. Он очень испугался, да и я тоже. И очень похвалил меня. Больше ничего не осталось в моей памяти. Кругом был мрак. У матери уже был новый младенец. Помню, он заплакал, я подошел, чтобы успокоить, и тут заметил, что мама плачет. Как мы расстались, как я доехал... Ничего не помню.

Мы снова были в деревне. Кому было песни петь в те годы? Тяжко было на сердце, грабили кругом и данью облагали, в армию уводили, золота требовали. Что за армия? Бойня. Под предлогом хранения оружия дома сжигали. Везде сеяли шпионов. В последний год к нам одного вшивого черкеса приставили – поселили в разоренном армянском доме. Домик находился на берегу речки – с участком, амбаром, со всем, что полагается. А черкес был одним из шпионов Каракулаха.

Однажды вечером раздались крики: «Хай-харай, на помощь! Добро мое увели!»

Сельчане выбежали, растерянные, не знают, куда бежать, к кому идти... Решили пойти к дорогам Каракулаха.

Выяснилось, что это было задание жандармов: согнать всю скотину нашей деревни, воду испортить, посеять хаос. Под видом полевых сторожей, турки или отуреченные подонки напали на стадо и угоняли его. Иди теперь на поклон к мьюхьюду, плачь, умоляй, обещавай дорогие подарки. Сколько тёлочек и волов он потребует? Что поделаешь: это страна османского турка – армянин здесь не хозяин ни своей жизни, ни своему имуществу. Грабеж, поджоги в порядке вещей – гяур вне закона. Кому жаловаться? Против кого пойдёшь? Сил у тебя нет, ты несчастный армянин.

Утро было то чёрное. У нас в селе был известный в округе барабанщик Егия. Был он весёлым человеком, обременённым детьми, семьей. Он всегда был занят, то в это село позовут, то в другое. Дети у него были маленькие, мы играли вместе. Утром село погрузилось в тишину. Все сидят в своих домах. Холодное молчание. Снаружи дрожит барабан. Солнце едва задело верхнюю макушку церкви. Выбегали мы, малыши.

– Что это, что делает Егия?

– Плачет? И танцует.

Да, он кружился, как безумный, двигался, как безумный. Он бил по барабану без мелодии, абы как, не думая, это были просто разрозненные удары. Он один-одинёшенек, на центральной площади города, у церкви. Приходили из курдских домов, тоже удивлённые. На голове у Егии была турецкая повязка, одет он был в большой белый пояс, с зелёной повязкой поверху, как араб или перс.

– Что случилось?

– Вошли к нему ночью с обнажёнными клинками, и приказали поставить палец на бумагу, заверив таким образом принятие Ислама, становление турком, – поговаривали. – Если нет – вырежут всю семью.

– Ты радуешь турков на исламских свадьбах, не имеешь права оставаться гяуром. – сказали ему. – Ты и твои дети не имеют больше права находиться среди армян, говорить на армянском, одеваться, как армяне.

Мы всё поняли и ушли в свои дома. Был ещё слышен стук барабана Егии.

– Йа Аллах у Аллах, Мухаммед расуаллах («Аллах един, и Мухаммед – пророк его» – Прим. перев.), – они хохотали.

Егия плакал, село было в трауре.

В то лето было полное солнечное затмение. Очень хорошо помню. Мы работали. И вдруг всё оставили. Нас собрали в одном месте, принесли Священное Писание, стали звонить по церковному (у нас вместо колокола был большой диск с медной колотушкой). Поутру в селе опять горе – вошли *зардиане*, Матоса из рода Магакян избивают, бьют до смерти.

– Скажи, где твой сын! Почему его нет в деревне, почему сбежал от службы родине? Сейчас спалим твой дом, и тебя в пекло закинем. Трава уже готова – кричат, бьют беднягу, обкладывают его дом травой.

Дедушка Лусен – младший брат моего Тацу – бежит, подходит, показывает турку серебро, говорит: «У Матоса нет ничего, поле, хозяйство без присмотра остались». Курами, петушками, овцами еле-еле задабривает, ручается, что Мисак, сын старого Матоса, хороший плотник. А теперь он в Ерзнке, или в стороне Сваза. Пусть даст время, чтобы его вызвали.

Дедушка Лусен – уполномоченный армян деревни. Мьюдурлик силой взвалил эту ответственность на его плечи, чтобы в случае сомнительных или антиправительственных ситуаций Лусен отвечал своей головой.

– У нас что, жечь нечего? – говорит турок, поглаживая усы, – у столько армян дома разрушили, вон бревна лежат на открытом воздухе, в руинах.

– Да, *чауш*¹¹ эфенди, позову, приедет, исправит, – говорит Матос, съжившийся в горстку костей.

– Я сотник, не чауш, учись отличать. – Он ударил его.

– Юз-ба-ши эфенди, проголодаетесь, добро пожаловать на нашу трапезу.

Дедушка Лусен пытается уладить дело, и всё кончается тем, что уводят его младшего сына, Цатура. Как увели, так и не слышали мы о нём больше ничего. Но есть же судьба. Как бы то ни было, взяли у дедушки Лусена печатку с пальца, как заверение в том, то через два месяца вернётся в Каракулах плотник Мисак.

Я не хочу спешить в этот проклятый чёрный день. Пусть этот отрывок детства подольше побудет у меня перед глазами. Куда спешить – на бойню? К ятагану турка с адской душой? Нет, не хочу идти дальше – там пропасть для моего народа. Там я в Армении, там наш дом, наша земля, наша страна.

¹¹ Звание, соответствующее сержанту

По ту сторону этой горы течет поток крови

Этот день был днём из дней для нашего села (для всего моего народа). С чёрным занавесом или белым – не знаю.

*На месте святого креста на большой горе
Свободная земля нам оплот;
Вол и нож вместе.
На славу невесты, хранящей тонир,
Станем пахарями и сохраним
Благословение лаваша
В нашем очаге
Го-го-го.*

Не помню год, говорят, это был 1915-й. Но хорошо помню: дядя Назар пахал поле Аверхана. Торгом был с отцом, помогал ему, сидя на воле.

– Но-но! Вол, тащи свою ношу, помогай моему отцу...

Значит, и мы были там. Вместе с Мадатом собирали траву с раскрытых свежих откосов. Гоняли чёрных дятлов. Раскрывали мы руки, пытаясь поймать их, а они улетали и садились на другой камень. Как ловко они клевали червей! Мы мыли собранную траву и ели. Давали поесть и дяде с Торгомом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.